

Операция "Умелые руки", или что увидел академик Бурденко в Орле

В воскресенье, 16 января 1944 г., в 16.30 от перрона Белорусского вокзала отошел поезд № 85, в международном вагоне которого в Смоленск выехала довольно необычная по составу группа высокопоставленных советских чиновников - главный хирург Красной Армии, академик АН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы Н.Н.Бурденко, митрополит Крутицкий и Галицкий Николай, нарком просвещения РСФСР, академик АН СССР В.П.Потемкин, председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, замнаркома здравоохранения СССР С.А.Колесников, председатель Всеславянского антифашистского комитета, генерал-лейтенант А.С.Гундоров, начальник отдела по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников¹ В.Н.Макаров, полковник медицинской службы С.М.Багдасарьян, патолого-анатом, майор медицинской службы профессор Д.Н.Выропаев, кинооператор А.Ю.Левитан и его ассистент Л.П.Зайцев, звукооператор М.Ф.Соболев и осветитель Б.С.Петров. На следующий день, 17 января, центральные советские газеты опубликовали сообщение о создании "Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров".

Обитатели международного вагона были членами и сотрудниками этой, теперь печально знаменитой, спецкомиссии. Утром 18 января они прибыли в Смоленск, где их встречал председатель Смоленского облисполкома Р.Е.Мельников,

¹ Ее полное название - Чрезвычайная государственную комиссию (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. О функциях и деятельности ЧГК см. ниже.

также номинированный в состав этой группы. Начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Е.И.Смирнов, еще один член спецкомиссии, уже находился в городе. Не хватало только сталинского "золотого пера" - писателя-академика Алексея Толстого: он прибудет в Смоленск на собственном авто позже, 19 января.

Подарок фюреру

Прошло более шестидесяти лет с того момента, как 13 апреля 1943 г., в предверии дня рождения Адольфа Гитлера², Берлинское радио объявило о нахождении немецкими оккупационными властями в Катынском лесу близ Смоленска массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных, как утверждали в Берлине, советскими "еврейскими комиссарами" весной 1940 года³. Речь шла о тех самых военнослужащих, которые были интернированы советскими властями после вступления в сентябре 1939 г. Красной Армии в Польшу и затем необъяснимо "исчезли" в сталинских лагерях⁴. Большинство из них составляли не профессиональные военные, а офицеры запаса, мобилизованные в начале Второй мировой войны, - профессора высших учебных заведений, врачи, литераторы и журналисты, юристы, инженеры и учителя, священники.

Сообщение Берлинского радио имело огромный международный резонанс; оно чувствительно затрагивало всю сложившуюся к середине Второй мировой войны систему международных отношений, вбивая дополнительный клин в отношения между СССР и поляками и испытывая на прочность весь альянс союзников. Реакция Москвы на заявление Берлина была быстрой - 15 апреля

² Как известно, день рождения А.Гитлера 20 апреля.

³ Корпус важнейших советских документов об этом издан в России, см.: Катень. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Сост. Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Вошинский, В.Матерский. М., 1997; Катень. Март 1940 г. - сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катени. Документы / Отв. сост. Н.С.Лебедева. М., 2001; см. также: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катеньский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.

⁴ Возможно, одной из причин уничтожения в предверии Большой войны потенциальной "пятой колонны" была оставшаяся актуальной у значительной части советской военной и

Московское радио объявило немецкое сообщение фальшивкой и утверждало, что, напротив, фашисты пытаются приписать свои преступления СССР в пропагандистских целях.

Придавая исключительную политическую важность открытым захоронениям, гитлеровское руководство предприняло весьма дальновидные шаги: 16 апреля оно обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о присылке в Смоленск независимых судебно-медицинских экспертов; 17 апреля аналогичное обращение последовало в Польский Красный Крест, а уже 28-30 апреля судебно-медицинские эксперты из оккупированных и нейтральных стран работали в Катыни. Через месяц, 30 мая международная комиссия экспертов обнародовала свое заключение, в котором также датировала катынский расстрел весной 1940 года, т.е. тем периодом времени, когда ни о каких немецких войсках в этом районе СССР не могло и быть речи⁵.

Некоторых своих целей нацисты добились быстро - 25 апреля СССР прервал дипломатические отношения с польским правительством в изгнании генерала Владислава Сикорского, которое резко осудило акцию сталинских чекистов. Однако военные союзники СССР - в лице политического руководства США и Великобритании - не желая публично обнаруживать даже видимость разногласий антигитлеровского альянса, на официальном уровне до поры-до времени проигнорировали информацию о катынских преступлениях.

В то же время "Катынь" открывала целую серию сообщений германского командования об обнаружении на оккупированных территориях СССР мест массовых расстрелов советских граждан, проведенных НКВД. Так, уже 8 августа германское информационное бюро передало из Ровно результаты обследования массовых захоронений украинского населения на западной окраине Винницы⁶,

государственной элиты память о гражданской войне и, в частности, о роли Чехословацкого корпуса, оказавшегося в тылу у большевиков и выступившего на стороне Белого движения.

⁵ Позднее это заключение было издано отдельной брошюрой под названием "Винновники, изобличенные судебно-медицинскими экспертами" (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials Zusammengestellt. Berlin, 1943).

⁶ Как показывают современные исследования, в этих захоронениях находились останки не только украинцев, но и евреев, поляков и русских. Однако акцент фашистской пропаганды

проведенного профессорами судебной медицины германских университетов с привлечением международных экспертов, утверждая, что оно было также уничтожено "советскими комиссарами" в предвоенные годы. Показательно, что как и в случае с Катынью, хотя подобные некрополи гитлеровцы регулярно обнаруживали и вскрывали в занятых регионах (например, на Северном Кавказе), свои самые громкие разоблачения руководители фашистской пропаганды приберегали под конец оккупации той или иной территории СССР, тем самым оставляя мины замедленного действия для послевоенного времени.

Действительно, внутренний резонанс таких публичных кампаний, а русскоязычные оккупационные газеты максимально широко информировали население обо всех подобных "находках", несомненно, беспокоил советские власти и по мере освобождения ранее оккупированных областей они совместно с НКВД предпринимали усилия для сокрытия и/или опровержения немецких сообщений⁷. Между тем, полной и тем более детальной картины того, как именно различные этнические, социальные, профессиональные и конфессиональные группы советского общества реагировали на факты разоблачения сталинского режима германской пропагандой в период Великой Отечественной войны, мы не имеем⁸. Эта тема продолжает быть табуированной не столько в научной историографии, сколько и прежде всего на уровне исторической саморефлексии российского общества, не желающего или опасющегося критически вспоминать и анализировать свое прошлое.

В самом деле, если с падением коммунистической власти в СССР правда о катынских расстрелах окончательно заняла свое историческое место, то до сих пор остается почти неизвестным, как готовилась показательная инсценировка вскрытия

целенаправленно делался именно на определенном этническом характере расстрелов. О сложной истории атрибуции винницких захоронений и - шире - об использовании фактов сталинских и нацистских военных преступлений в формирующейся новой культуре памяти постсоветского времени см.: Irina Paperno *Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations*. Summer 2001. Univ. Calif. Press. P. 89-118 (здесь приводится литература вопроса). Приношу глубокую благодарность Яну Пламперу (Тюбинген), указавшему мне эту работу.

⁷ Например, в официальных сообщениях Совинформбюро.

⁸ Обширная иноязычная литература рассматривает этот вопрос в преимущественно контексте оккупационной политики фашистских властей; см., например: Theo J. Schulte *The German*

катыньских захоронений, проведенная спецкомиссией академика Н.Н.Бурденко в январе 1944 г. Тем более остается открытым вопрос о роли членов этой комиссии и привлекавшихся ею судебно-медицинских экспертов - были ли они простыми статистами, призванными своим профессиональным авторитетом прикрыть очередную фальсификацию сталинского режима, активными участниками "постановки" или же им отводилась какая-то иная роль.

В отличие от истории немецкой медицины и ее отдельных дисциплинарных сообществ в период гитлеровского режима⁹, интенсивно изучаемой как в самой Германии, так и в других западных странах, социальная история советской медицины по-прежнему представляет собой огромное белое пятно, отдельные фрагменты которого очень медленно проступают сквозь мощный слой корпоративной закрытости. Несмотря на то, что в рамках расследований одной только ЧГК были задействованы сотни медиков, литературы на эту тему практически нет¹⁰, а обобщающие работы по истории отечественной судебной медицины¹¹ стараются не упоминать об этой стороне деятельности медиков в годы войны. По-видимому, и здесь главной причиной является вовсе не насаждаемая

Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, 1989; Alexeev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, 1976 и многие др.

⁹ См., например, блестящую монографию: Michael H. Kater Doctors Under Hitler. The Univ. of North Carolina Press, Chapel Hill and L., 1989; здесь же приведена обширная библиография проблемы.

¹⁰ Из последних работ, затрагивающих историю советской судебной медицины в годы войны, см.: Алехина Н.М. Состояние и развитие судебно-медицинского дела в России в межвоенный период (1918-1941). Диссертация на соискание ученой степени канд. мед. наук. М., 2002; Ермоленко Э. Н. Авдеев Михаил Иванович - выдающийся отечественный ученый-судебный медик - организатор судебно-медицинской экспертизы в вооруженных силах СССР. Диссертация на соискание ученой степени канд. мед. наук. М., 2002; Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; Колкутин В.В., Авдеев А.М., Соседко Ю.И., Ермоленко Э.Н. Михаил Иванович Авдеев - выдающийся ученый и организатор судебно-медицинской экспертизы. М., 2001; Медики и блокада. Взгляд сквозь годы. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб., 1997; а также: Краснушкин Е.К. Судебно-медицинская экспертиза на Нюрнбергском процессе // Врачебное дело. 1946. № 9. С. 631-640.

¹¹ См.: Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999; Крылов И.Ф. Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975; Миронов А.И. Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1979; Солохин А.А., Солохин Ю.А. Судебно-медицинская наука в России и СССР в XIX и XX столетиях. М., 1998; Соседко Ю.И., Колкутин В.В., Гыскэ А.В. Исторические очерки военной судебно-медицинской экспертизы. М., 1999; Шершавкина С.В. История отечественной судебно-медицинской службы. М., 1968.

государством и властью секретность, а отказ самого медицинского сообщества перерабатывать негативный опыт прошлого.

Жесткая и однозначная оценка деятельности спецкомиссии Бурденко дана только в "Заключении комиссии экспертов Главной военной прокуратуры" от 2 августа 1993 г.¹², где четко сказано: "Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко, выводы комиссии под руководством В.И.Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления - не соответствующими истине и поэтому ложными"¹³. Таким образом, обширное досье "экспертов-фальсификаторов" (вспомним только самые знаменитые дела конца XIX - начала XX века - Альфреда Дрейфуса во Франции и Менделя Бейлиса в России) окончательно пополнилось еще одним трагическим эпизодом.

Однако, проблема "ложной экспертизы", как правило, далеко выходит за пределы судебно-процессуальной борьбы двух сторон. Так, в России начала XX века за длинным перечнем "заказанных"/"заказных" экспертиз скрывается многомерная и драматичная история становления отечественного экспертного сообщества как равноправного (или стремящегося к этому) партнера государственной власти. Используя современную фразеологию, можно сказать, что этот важнейший социальный "проект" российской интеллигенции в первое советское десятилетие получил огромный импульс к развитию, но в 1930-е годы, непосредственно столкнувшись с проектным мышлением Вождя всех народов, существенно трансформировался, превратившись из общенационального в придворный.

¹² Полное название - "Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г."; подписано Топорниным Б.Н., Яковлевым А.М., Яжборовской И.С., Парсадановой В.С., Зоря Ю.Н., Беляевым Л.Л. Опубликовано: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 446-494.

¹³ Там же. С. 493

Как может собственная, профессиональная и экзистенциальная, картина мира эксперта логично и естественно встраиваться в замыслы и интересы власти недавно блестяще показал В.Менжулин, проанализировавший мотивацию известного киевского психиатра И.А.Сикорского в деле Бейлиса¹⁴. Практически все немногочисленные свидетельства современников о роли академика Н.Н.Бурденко в “Катынском деле”, опубликованные в печати, а также широко бытующие в устной традиции, сходятся в том, что он, зная (или понимая) правду о катынских расстрелах, выполнял приказ власти и лишь имитировал ритуал судебно-медицинской исследования¹⁵.

Настоящая статья представляет новые архивные документы и сведения в Катынское досье, которые, не меняя окончательный вердикт "вскрытия", помогают лучше понять незримую анатомию самой болезни.

От 13 апреля к 13 января:

1. Комиссия и ее "дочки"

Спецкомиссия по Катыни, или Комиссия Бурденко, как ее называли по имени председателя, была создана 12 января 1944 г. постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по расследованию фашистских военных преступлений¹⁶. Сама ЧГК, образованная Указом Президиума Верховного Совета

¹⁴ Менжулин В. Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии. Киев, 2004. См. также: Дело Менделя Бейлиса: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве / Сост. Р.Ш.Ганелин, В.Е.Кельнер, И.В.Лукоянов. СПб., 1999. Параллельно пересматривается историографический взгляд и на деятельность других участников экспертизы по делу М.Бейлиса, см.: Попов В.Л. Профессор Дмитрий Петрович Косоротов: (Попытка реабилитации). СПб., 1995.

¹⁵ См. например: Ольшанский Б. Катынь (письмо в редакцию) // Социалистический вестник. 1950. № 6. С. 114; Поздняков В. Новое о Катыни // Новый журнал. 104 (1971). С. 262-280.

¹⁶ Решение о создании спецкомиссии по Катыни см.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 32. Л. 1-2 (Протокол № 23). В этом протоколе ЧГК нет обычного делопроизводственного оформления протокольной записи - ни перечня присутствовавших на заседании (если оно состоялось очно), ни отметки "ОПРОСОМ", если подписи членов ЧГК собирались заочно. "Дневник" работы Спецкомиссии см.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 1-17.

СССР от 2 ноября 1942 г.¹⁷, формально имела статус независимого общественного органа - "общественного обвинителя" фашизма. Ее "лицо" в значительной степени определяли представители советской академической элиты: из десяти титульных членов ЧГК шесть были академиками Академии наук СССР. Председателем комиссии был назначен лидер советских профсоюзов и председатель Комитета по эвакуации Николай Михайлович Шверник (1888–1970), членами - 1-й секретарь Ленинградского горкома и обкома и член Политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов (1896–1948), митрополит Киевский и Галицкий Николай (в миру Ярушевич Борис Дорофеевич; 1892-1961), летчица Валентина Степановна Гризодубова (1910–1993) и шестеро академиков: четверо, избранные в АН СССР в 1939 г., - Николай Нилович Бурденко (1876–1946), Трофим Денисович Лысенко (1898–1976), Алексей Николаевич Толстой (1882–1945), Илья Павлович Трайнин (1886–1949) и "старые", с дореволюционным стажем - Борис Евгеньевич Веденеев (1884–1946) и Евгений Викторович Тарле (1875–1955).

Номинально ЧГК имела самые широкие полномочия: ей предоставлялось право проводить расследования военных преступлений и определять нанесенный СССР материальный ущерб, координировать действия всех советских организаций в этой области, выявлять имена военных преступников, публиковать полученные результаты. Созданная в перспективе Международного военного трибунала над нацизмом, ЧГК должна была придать собранным документам о военных преступлениях фашистов международно-правовую легитимность и от ее имени в 1943-1945 гг. на русском и английском языках издавались официальные "Сообщения" о результатах расследований. В дальнейшем они стали важнейшей документальной составляющей доказательной базы советского обвинения на

¹⁷ О ЧГК и ее деятельности см.: Безыменский Л. Информация по-советски // Знамя. 1998. № 5. С. 191-199; Безыменский Л.А. Восприятие Холокоста в Советском Союзе // Россия и современный мир. 1999. 4 (25). С. 153-168; Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997; Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994; Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975; Зинич М.С. Похищенные сокровища: Вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003; Сорокина М.Ю. Люди и процедуры: к истории расследования нацистских преступлений в СССР // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Fall 2005 (в печати). О международном контексте создания ЧГК см.: Kochavi A.J. Prelude to Nuremberg. Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. The Univ. of North Carolina Press, Chapel Hill and L., 1998.

Нюрнбергском (1945—1946) и Токийском (1950) трибуналах, а также многочисленных внутренних советских судебных процессах над нацистскими преступниками и их сообщниками в 1940-60-ые годы¹⁸.

Реально центральная ЧГК представляла собой вершину многоуровневого айсберга, основание которого формировалось разветвленной системой местных комиссий содействия работе ЧГК: от республиканских и областных до поселковых, а также ведомственными комиссиями, аккумулировавшими сведения об ущербе, нанесенном учреждениям и организациям различных наркоматов. Персональный состав местных комиссий кардинально отличался от центральной ЧГК: их возглавляли "тройки" - первый секретарь регионального комитета ВКП(б) и главы региональных СНК и НКВД/НКГБ, которые привлекали к сотрудничеству "представителей общественности". На практике это означало, что ввиду очевидной занятости первых лиц местной власти, весь процесс сбора и оформления сведений о преступлениях нацистов направлялся и контролировался органами НКВД и СМЕРШ¹⁹.

Однако для некоторых, политически значимых, дел просто контроля НКВД было недостаточно и тогда в 1944-1945 гг. при ЧГК стали возникать спецкомиссии. Первой из них была Катынская, второй - комиссия для расследования трагедии Бабьего Яра²⁰. По-видимому, необходимость в "особом" ведении расследования появлялась тогда, когда верховной власти требовалось максимально "закрыть" тему от любых, даже самых слабых, попыток общественности рассказать о ней.

13 января 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение ЧГК о создании спецкомиссии по Катыни²¹; в тот же день, в 13 часов дня, она провела свое первое

¹⁸ ЧГК была ликвидирована распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня 1951 г. Ее деятельность была реанимирована на короткое время в 1960 г., когда советским властям понадобилось провести показательную акцию по разоблачению нацистских преступников в правительстве ФРГ ("дело Теодора Оберлендера" - федерального министра по делам беженцев в кабинете Конрада Аденауэра, в годы войны капитана контрразведки на советско-германском фронте, обвинявшегося ЧГК в военных преступлениях на Северном Кавказе и Украине).

¹⁹ Армейская контрразведка.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 36. Л. 100; другие спецкомиссии - по разрушениям Новгорода (Там же. Д. 42. Л. 42, 56-58), Одессы и Одесской обл. (Там же. Д. 49 Л. 1, 68), Пушкинских гор (Там же. Д. 52. Л. 1); лагерям смерти (Там же. Д. 54 Л. 1-2; Д. 126).

²¹ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. III. 1940-1952. М.: РОССПЭН, 2001. С. 332 (пункт 271).

заседание в Центральном нейрохирургическом институте им. Н.Н.Бурденко (Ульяновская, 13). Выбор места первого сбора²² был неслучаен - институт не только именовался, но и возглавлялся председателем спецкомиссии академиком Н.Н.Бурденко²³.

2. Николай Бурденко

В те годы хирург Николай Нилович Бурденко был широко известен в стране: газеты многократно публиковали как его индивидуальные фотографии - в белом халате со скальпелем в руках, так и коллективные - как правило, в президиумах различных важнейших государственных заседаний или на трибуне Мавзолея, рядом с партийными вождями. Еще бы: Николай Бурденко был одним из самых высокопоставленных медиков своего времени, он лечил членов Политбюро и правительства, деятелей Коминтерна, с 1937 возглавлял Ученый медицинский совет Наркомздрава СССР и был членом редакционной комиссии по установлению окончательного текста Конституции СССР. Свою близость и преданность советским вождям Бурденко подкрепил вступлением в 1940 г. в коммунистическую партию и регулярными выступлениями в советской печати. Так, за несколько дней до начала войны академик вопрошал: "В некоторых исследовательских институтах работают над темой - развитие зародышевой моли. Спрашивается, зачем сейчас заниматься зародышами моли, когда кругом нас кишат империалистические скорпионы?"²⁴ В то же время подобные эскапады в устах Бурденко были отнюдь не только данью риторике. Выходец из многодетной семьи с русско-украинскими корнями, получивший духовное образование²⁵, но отказавшийся от служения церкви и

²² Кроме членов спецкомиссии здесь присутствовал первый заместитель наркома внутренних дел Сергей Никифорович Круглов (1907-1977).

²³ С 1929 г. Бурденко руководил нейрохирургической клиникой при Рентгеновском институте НКЗ, который в 1934 г. преобразован в Институт нейрохирургии его имени.

²⁴ Бурденко Н.Н. Лучше руководить научными учреждениями // Медицинский работник. 1941. 11 июня.

²⁵ В 1890-97 гг. он окончил духовное училище и семинарию в Пензе; направлен на дальнейшую учебу в Петербургскую духовную академию, но не остался там.

пошедший в доктора, наиболее успешной частью своей профессиональной карьеры он был в значительной мере обязан Советской власти.

До революции Бурденко с трудом вписывался в свой профессиональный цех и ничто в его биографии не указывало на возможность большого карьерного роста: участник студенческих беспорядков в Томском и Юрьевском (Тартуском) университетах, он получил диплом о высшем медицинском образовании только в тридцатилетнем возрасте (1906). Через 10 лет, с немалыми затруднениями был избран экстраординарным профессором Юрьевского университета²⁶ и только в 1923 г. в 50-летнем возрасте приехал из Воронежа в Москву, будучи избран профессором Московского университета. Три обстоятельства, по-видимому, сыграли важную роль в развитии московской карьеры Бурденко. Во-первых, события революции и гражданской войны и последовавший за ними исход из страны многих лиц интеллигентных профессий открыли многочисленные вакансии в столичных вузах для энергичных провинциальных специалистов. Во-вторых, стремительное продвижение Бурденко в Москве стало во многом возможным благодаря его прежним военным и революционным связям²⁷. И, наконец, в-третьих, его положение существенно повысилось после московских политических процессов второй половины 30-х годов, когда были репрессированы многие кремлевские медики, и высочайшая востребованность выжившей медицинской профессуры резко увеличилась. С конца 30-х Бурденко - фигура № 1 в табели о рангах официальной советской медицины²⁸ и именно он станет в 1944 г. первым президентом Академии медицинских наук.

²⁶ См.: Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 3. С. 1-39: Особый протокол по делу об избрании кандидата на кафедру оперативной хирургии, десмургии и топографической анатомии доктора медицины Н.Н.Бурденко, составленный по требованию профессора П.А.Полякова на заседании Совета 30 ноября 1910 г.

²⁷ Так, биограф Бурденко сообщает, что после приезда в Москву Бурденко "входит в связь" с Биохимическим институтом старого революционера А.Н.Баха, а также с лабораторией Б.И.Збарского, т.е. Мавзолеем В.И.Ленина (Багдасарьян С.М. Н.Н.Бурденко. Жизнь и деятельность. М., 1967. С. 173, 200). В эти годы он бессменный консультант по военно-полевой хирургии Главного военно-санитарного управления Красной Армии. Интересно, что в этой остающейся единственной (хотя и в разных изданиях) подробной биографии Бурденко почти ничего не говорится о его деятельности в ЧГК, хотя автор книги сопровождал академика на протяжении всех военных лет.

²⁸ Неслучайно именно в возглавлявшемся Бурденко Нейрохирургическом институте в 1936 г. была открыта столь интересовавшая вождей лаборатория специального назначения

Однако нельзя не отметить, что вследствие контузий, полученных в годы русско-японской и Первой мировой войн, уже к 1937 г. Бурденко окончательно потерял слух, а осенью 1941 г., попав в бомбардировку после возвращения в Москву с Ленинградского фронта, перенес инсульт и временно лишился движения и речи²⁹. Его лечили в московской и куйбышевской Кремлевке, затем отправили в эвакуацию в Омск и уже в апреле 1942 г. энергичный, но тяжело больной, академик вернулся в Москву, где вскоре стал членом ЧГК - единственным специалистом, фигурировавшим во всех предварительных вариантах персонального состава комиссии.

3. Немецкий почерк

Сохранившаяся стенограмма первого заседания спецкомиссии по Катыни от 13 января 1943 г.³⁰ показывает, что шеф Нейрохирургического института не просто формально приветствовал коллег по ответственной государственной миссии, но сразу предложил им свое медицинское обоснование советской версии катынских расстрелов. Он ознакомил присутствовавших с хранившейся в институте коллекцией черепов, собранных им в Орле и Смоленске в августе-сентябре 1943 г. при производстве раскопок могил расстрелянных немцами советских граждан³¹. Эти черепа, по мнению Бурденко, демонстрировали особый, немецкий способ/почерк расстрела, на основании изучения которого можно было бы впоследствии проводить атрибуцию неизвестных захоронений. Основными признаками "немецкого" способа он считал одиночные выстрелы в затылок, по большей части пулями калибра ниже 8 мм, в основном в упор или в непосредственной близости. Локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости требовало определенной

"Восстановление жизненных процессов при явлениях, сходных со смертью", или лаборатория по оживлению, как ее называли между собой, под руководством молодого В.А.Неговского.

²⁹ Багдасарьян С.М. Указ. соч. С. 61-62.

³⁰ См. : ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 8.

³¹ Там же. Л. 2. "Обрабатывал" эту коллекцию известный нейрохирург и патолого-анатом Леонид Иосифович Смирнов (1889-1955), один из ближайших помощников Бурденко при организации института, в 1938-1954 гг. руководитель его патолого-анатомического отдела.

квалификации, что и послужило для Бурденко основанием заключить, что казни производились "умелыми руками".

Весьма откровенно академик описал членам спецкомиссии последовательность событий, приведших его к идее особого "немецкого" почерка расстрела. "Случайно в Орле оказался один гражданин, у которого я нашел в архиве разные газеты, - рассказывал Бурденко. - Среди этих газет я обнаружил и протокол немецкой комиссии о работе в Катынском лесу. И когда я прочитал этот протокол и сравнил его с материалами ЧГК, то я убедился, что жертвы Катынского леса были умерщвлены такими же способами. После этого я решил протокол не показывать никому и заставил наших патолого-анатомов при вскрытиях трупов - жертв немецко-фашистских захватчиков сосредоточить внимание на ранениях. И они описали метод расстрела, не зная текста немецких протоколов, буквально слово в слово. Я из этого сделал вывод, что расстрел был совершен немцами"³².

Еще более любопытные подробности, сопутствовавшие этому "открытию", Бурденко приводит в 26-тистраничной докладной записке председателю ЧГК Н.М.Швернику, написанной непосредственно после возвращения академика из Орла, в двадцатых числах августа 1943 г.³³ Но сначала несколько слов о том, что из себя представляла область, в которую для расследования приехал академик Бурденко.

4. Орел: до и после оккупации

Более полутора лет почти вся Орловская область находилась под оккупацией, которой руководил военный комендант Орла генерал-майор Адольф Хаман (Гаманн; Hamann Adolf; 1885-1945)³⁴. Ему удалось быстро наладить взаимодействие оккупационных властей и местного населения, весьма негативно настроенного по

³² Там же. Л. 38 (Стенограмма заседания 13 января 1944 г. в Нейрохирургическом институте).

³³ Копия машинописного текста без его подписи. Авторство устанавливается по резолюции Н.М.Шверника от 26 августа и содержанию, часть текста включена в "Сообщение" ЧГК.

отношению к Советской власти. В предвоенные годы Орел оказался местом ссылки и заключения различных оппозиционных сталинскому режиму сил: сюда отправляли на поселение питерских интеллектуалов, в местной тюрьме сидела большая группа осужденных по 58-ой статье коминтерновцев и военных, большинство из которых было расстреляно НКВД при приближении немцев 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу³⁵. Всю вторую половину 30-х годов Орловщину сотрясали массовые политические репрессии, главным организатором которых являлся начальник местного Управления НКВД Пинхус Симановский. В 1937-1938 гг. по его указанию был сфальсифицирован ряд политических дел, по которым осуждены более 17 тысяч человек; только в декабре 1937 г. местные чекисты привели в исполнение смертный приговор 33 священникам Русской православной церкви³⁶.

Неудивительно, что с началом войны именно в Орловской области возникло самое масштабное территориально-административное явление в истории русского коллаборационизма - так называемая Локотская республика со своим окружным самоуправлением и военизированной милицией (ополчением) для борьбы с большевиками. В Орле успешно функционировало наибольшее на оккупированной территории России количество промышленных предприятий³⁷. При активной поддержке городской управы здесь работали музеи; возобновила работу областная библиотека (также наиболее крупное собрание книг на оккупированной территории России); открылись православные храмы, в том числе кафедральный Богоявленский собор. Наконец, в городе издавалась одна из наиболее ярких антисоветских и

³⁴ Он был также военным комендантом Брянска и Бобруйска, начальником Бобруйского укрепрайона. Арестован и приговорен Военным трибуналом Московского военного округа 29 декабря 1945 г. к ВМН, приговор приведен в исполнение 30 декабря 1945 г.

³⁵ Среди них Х.Г.Раковский, профессор-медик Д.Д.Плетнев, Мария Спиридонова, О.Д.Каменева (жена Л.Б.Каменева и сестра Л.Д.Троцкого) и др. См.: Трагедия в Медведевском лесу // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 124-131.

³⁶ См. предисловие к: Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. В 3 т. Орел, 1995.

³⁷ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941-1944 гг.). Великий Новгород, 2001. С. 161; Воловик Л.Ф. Антисемитская пропаганда в Орле (1941-1997) // Тень Холокоста. М., 1998. С. 137-139; см. также о судьбе члена-корреспондента АН СССР М.Д.Залесского, жившего в эти годы в Орле: Сорокина М.Ю. Наука и Третий Рейх: борьба за ресурсы // Природа. 2003. № 8. С. 73-80.

антисемитских оккупационных газет "Речь", редактировавшаяся известными Михаилом Октаном³⁸ и Владимиром Самариным³⁹.

В область с таким сложным идеологическим и социально-политическим рельефом Н.Н.Бурденко приехал в самом начале августа 1943 г. Поездка была плановой: еще 31 мая 1943 г. на заседании ЧГК было решено, что Бурденко отправится в Орловскую область для подготовки материалов официального "Сообщения" ЧГК⁴⁰. Процедура сбора фактов для "Сообщений" строилась по стандартной схеме: сначала местная комиссия содействия работам ЧГК должна была выявить и обработать исходный материал о преступлениях фашистов (акты и свидетельские показания), затем приехавший из Москвы инспектор ЧГК проверял его юридическую готовность, а после этого уже член ЧГК лично свидетельствовал собранные обвинения.

В Орле эта схема забуксовала с самого начала. Официально Орловская комиссия, возглавляемая секретарем обкома ВКП (б) А.П.Матвеевым, должна была начать работу еще в июне 1943 г. Однако приехавший в область в конце этого месяца инспектор ЧГК К.А.Лебедев констатировал, что комиссия существует исключительно *de jure*⁴¹. Следующий побывавший в Орле в октябре 1943 г. инспектор ЧГК (А.А.Гусарь) также зафиксировал, что за 5 месяцев комиссия провела всего 2 заседания и фактически ничего не делает⁴². Зато, когда в марте 1945 г. в ЧГК подводились официальные итоги причиненного области ущерба, Орловская

³⁸ Наст. фам. - Ильинич. Покинул Орел, выпустив 30 мая 1943 г. номер "Речи" со списком евреев, занимавших до войны руководящие должности в городе.

³⁹ Самарин Владимир (наст. фам. Владимир Дмитриевич Соколов) (1913-1992) был уроженцем Орла, здесь учился и преподавал до войны. С 1944 г. в Германии, затем в США. С 1959 преподавал в Йельском университете. Об оккупированном Орле написал книгу: Vladimir D. Samarín, *Civilian Life Under the German Occupation, 1942-1944*. New York, 1954.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 6. Л. 9 Протокол № 4. По мере освобождения области, на протяжении марта-апреля 1943 г., секретарь Орловского обкома ВКП (б) Н.Г.Игнатов трижды направлял секретарю ЦК Г.М.Маленкову докладные записки о зверствах и материальных убытках, причиненных немецко-фашистскими захватчиками Орловщине (см.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 14. Л. 1-3об.; 4-15; 16-22), и только на третьей из них, переадресованной Маленковым председателю ЧГК Н.М.Швернику, 3 мая появилась резолюция последнего: "Посылаю акты и материалы, в которых следует быстро разобраться". "Быстро" - потому что уже случилась Катюнь и необходимо ответными пропагандистскими контрударами реагировать на атаку Берлина.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 117. Д. 9. Л. 66-67.

⁴² Там же. Л. 111-112.

комиссия докладывала, что в ее работе приняли участие свыше 70 000 человек⁴³ (!), при том, что до оккупации население Орла составляло примерно 114 тысяч человек, а после нее в городе оставалось не более 30 тысяч человек⁴⁴.

Интересно отметить, что в годы войны все секретари Орловского обкома партии, они же председатели местной комиссии содействия ЧГК, были профессиональными чекистами: Николай Григорьевич Игнатов работал в органах с 1921 г.⁴⁵, Александр Петрович Матвеев⁴⁶ до войны возглавлял наркомат внутренних дел Белоруссии. Но, несомненно, центральной фигурой в расследовании фашистских преступлений в области был начальник местного управления НКВД, полковник госбезопасности Кондратий Филиппович Фирсанов⁴⁷. Он возглавлял его десять лет - с января 1939 по май 1949 г. и был даже депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. В сентябре 1941 г. полковнику Фирсанову было доверено важное государственное задание - расстрел политзаключенных Орловского центра в Медведевском лесу, а в июне 1943 г. областная комиссия содействия ЧГК при распределении обязанностей решила, что сбором "крупных фактов злодеяний в Орловской обл." будет заниматься также незаменимый полковник Фирсанов⁴⁸.

5. Записка Швернику

⁴³ Там же. Л. 9

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 10. Л. 15 (из справки секретаря Орловского горкома ВКП(б) Маркова от 11 августа 1943 г.).

⁴⁵ Игнатов Николай Григорьевич (1901-1966) - профессиональный чекист, в органах с 1921 г.; с 1932 г. на партработе; с 1941 г. в Орле, в 1943-1949 гг. 1-ый секретарь Орловского обкома партии. В 1957-60 гг. секретарь ЦК, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

⁴⁶ Матвеев Александр Петрович (1905-1946) - с февраля 1941 г. нарком внутренних дел Белорусской ССР, в 1942-43 гг. 1-й секретарь Орловского обкома ВКП(б), с сентября 1942 г. представитель Центрального штаба партизанского движения на Брянском фронте, в 1944-46 гг. 1-й секретарь Брянского обкома ВКП(б).

⁴⁷ Фирсанов Кондратий Филиппович (1902-19??) - чекист, с декабря 1938 г. в органах НКВД. Учился на Курсах руководящих работников при Центральной школе НКВД и после нее с января 1939 г. начальник УНКВД Орловской обл., которое возглавлял до июля 1944 г. Затем начальник УНКВД-УМВД Брянской обл. (до мая 1949 г.), когда пошел дальше на повышение: в мае 1949 - феврале 1954 министр внутренних дел Башкирской АССР, затем снят с должности "за допущенные серьезные ошибки в руководстве органами МВД Республики". Возглавлял территориальное управление "Башспецнефестрой" МВД, служил в системе ИТЛ МВД (1954-1960). Уволен в запас в декабре 1960 г. в звании генерал-майор. Автор книг: За линией фронта. Тула, 1968; Так воевали чекисты. М., 1973; Ради жизни. Записки чекиста. Куйбышев, 1973 и др.

5 августа 1943 г. Орел был освобожден Красной Армией, а уже 6 августа Н.Н.Бурденко и его сотрудники начали обследование здания городской тюрьмы, где находился лагерь для советских военнопленных. Вплоть до 19 августа работа проводилась на кирпичном заводе, в Медведевском лесу, в Некрасовке, Крутом Овраге, Малой Гати. По возвращении в Москву, между 21 и 26 августа, Н.Н.Бурденко отправил председателю ЧГК Н.М.Швернику ту докладную записку, о которой говорилось выше. Этот документ безусловно достоин отдельной полной публикации: здесь мы остановимся только на некоторых его пассажах, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Прежде всего, Бурденко отметил в записке полное отсутствие какой-либо организации в фиксации фактов фашистских злодеяний, тем более в их расследовании на правовой основе. Так, например, писал он, получив сведения, что корреспондент Совинформбюро едет откапывать трупы захороненных на окраине города советских людей, "я предложил организовать Комиссию и поехал посмотреть местность и могилы. Ввиду несистематичности производимых раскопок, я приостановил их на один день. Вызвал патолога-анатома фронта профессора Выропаева⁴⁹ и его бригаду и затем фронтового судебного медика профессора Огаркова⁵⁰ и на другой день произвели раскопки"⁵¹.

Первоначально одним из главных источников сведений о карательных действиях фашистов были советские военнопленные, освобожденные из концлагеря.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 117. Д. 9. Л. 66-67.

⁴⁹ Выропаев Дмитрий Николаевич (1900-1946) - патолог, профессор кафедры патологической анатомии 1 Московского медицинского института (у А.И.Абрикосова); декан его лечебного факультета (1938-1942). В армии добровольно с июня 1942 г. С октября 1942 г. главный патолог и начальник патолого-анатомической лаборатории № 81 Брянского фронта. В дальнейшем сотрудник Б.И.Збарского и В.П.Воробьева по лаборатории Мавзоля Ленина.

⁵⁰ Огарков Иван Федорович (1895-1968) - военный медик; с 1921 г. одновременно со службой в армии зав. подотделом медицинской экспертизы в Смоленске, позднее - губернский судмедэксперт. Служил в Смоленском гарнизоне, в 1921-1940 гг. по совместительству занимался судмедэкспертизой. С 1926 г. ассистент, с 1940 г. доцент кафедры судебной медицины Смоленского медицинского института (под руководством Н.В.Попова), полковник медицинской службы (1940). В январе 1943 г. назначен главным судмедэкспертом Брянского фронта. В 1945 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Небоевые ранения из винтовки и их судебно-медицинская экспертиза". Профессор и заведующий кафедрой судебной медицины Военно-Медицинской Академии в Ленинграде (1949-1963), профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ЛГУ, председатель Ленинградского научного общества судебных медиков и криминалистов (1956-1968).

Встреча с ними буквально потрясла академика. "Картины, которые пришлось видеть, - писал Бурденко, - не только поражали воображение, но они совершенно парализовали мысль и ввергали в оцепенение. Раненые в первый раз видели меня - русского врача и видели сопровождающих меня врачей и могли судить обо мне как начальнике - но я ни на одном лице не видел чувства, - не говорю о радости, - удовольствия. На приветствие "Здравствуйте, товарищи" - было угрюмое молчание и на лицах - утомление, равнодушие. Эта ошеломляющая картина заставила меня задуматься - в чем тут дело? Очевидно, эмоция страха и отчаяния пережитых месяцев поставила знак равенства между жизнью и смертью, между волей к свободной жизни и рабством. Я наблюдал три дня людей, перевязывал их, эвакуировал - психологический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей и прочих групп орловской интеллигенции"⁵².

Конечно, Бурденко интерпретировал "угрюмое молчание" раненых при виде советского генерала как следствие причиненных фашистами страданий и был частично прав. Но едва ли не более оно означало страх перед новой встречей с советскими "органами", ведь большинство тех, с кем общался Бурденко, попали в плен еще в 1941 г, и, конечно, знали о том, что это рассматривалось как измена Родине, а многие местные жители работали в немецких оккупационных учреждениях и попадали в категорию "пособников"⁵³.

Буквально с первых же дней допросов (еще в качестве свидетелей) бывшим военнопленным и местным жителям орловские чекисты настойчиво задавали вопрос о "методе расстрела", используемом фашистами⁵⁴. По сохранившимся протоколам хорошо заметно, что хотя часть свидетелей давала показания о том, что не видела расстрелов, а только "слышала" о них, или знает "по рассказам" третьих лиц, или

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 10.Л. 28

⁵² Там же. Л. 30-31. Частично текст вошел в "Сообщение" ЧГК (см.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. Москва, 1946. С. 50-51 (далее - Сборник ЧГК).

⁵³ В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 19 апреля 1943 г.) "О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников" вводились смертная казнь через повешение или каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Но еще до этого указа

только видела трупы расстрелянных, сотрудники НКВД подводили свидетелей к нужному описанию "метода" (выстрел в затылок с близкого расстояния), причем в конце протокола особо оговаривалось, что свидетель подтверждает указанные "способы расстрела".

Несомненно, Бурденко ознакомился с этими показаниями военнопленных. В записке Швернику после подробного изложения "следов преступлений фашистов" он также впервые ставит вопрос о "методе расстрела". "Обращает на себя внимание способ расстрела, - писал академик. - Он систематичен. Это обстоятельство заставило тщательно обследовать раны на черепе и я дал приказание некоторые черепа взять для более тщательного изучения".

Последующие страницы записки представляют исключительный интерес для реконструкции истории "катынской провокации". Мотивируя необходимость "тщательного обследования ран на черепе", Бурденко простодушно писал: "Дело в том, что случайно я нашел в отведенной мне квартире номер немецкой газеты, где приведен подробный протокол вскрытий польских офицеров с участием экспертов из вассальных государств и немецких союзников. Описания ранения расстрелянных немцами советских людей и описания немцев по найденному протоколу совпадают как две геометрические фигуры. Протокол, напечатанный в немецкой газете "Речь", я отдал для печати Вам через тов. Матвеева. Единственный пункт, отмеченный в немецком протоколе, не найденный нами – это "связывание рук" у казненных. Но в протокол не говорится, как и чем связаны руки. Но зато есть такое обстоятельство: в протоколе сказано: "На могиле с целью скрыть следы расстрела, русские насадили деревца". Мое внимание было привлечено к следующему факту: у общей могилы в укромном углу – в застенке тюремного двора – место общей могилы тоже засажено "деревцами". Эти факты, начиная со способа расстрела и кончая засаживанием "деревцами", свидетельствуют о "немецкой системе". Из приводимых описаний является несомненным факт расстрела польских офицеров. Это – дело рук немецких

⁵⁴ Некоторые протоколы допросов сохранились в фонде ЧГК, см. : ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 1. Л. 38, 44-53 об. и др.

фашистов, как об этом гласит “нота советского правительства о решении прервать отношения с польским правительством” от 28.04. 43 Правда № 109 (9245)”⁵⁵.

Вспомним, в январе 1944 г. на первом заседании спецкомиссии Бурденко уже очень неопределенно говорил о каком-то "случайно" оказавшемся в Орле гражданине, у которого в архиве (!) он нашел "разные газеты", в том числе с немецким катынским протоколом. В записке, написанной по свежим следам поездки, он описал события значительно более конкретно: "Нашел в отведенной мне квартире номер немецкой газеты, где приведен подробный протокол вскрытый польских офицеров с участием экспертов из вассальных государств и немецких союзников".

Этим так счастливо найденным номером была, конечно, уже упоминавшаяся газета "Речь". Начиная с 23 апреля и вплоть до конца июля 1943 г. в ней регулярно печатались материалы о немецком катынском расследовании. Номер, упомянутый Бурденко, вышел 19 мая 1943 г. (№ 56). Здесь на странице 2 и был опубликован материал "Трагедия в Катынском лесу - Судебно-медицинское исследование трупов Катынского леса (протокол)".

Можно ли представить себе, что номер оккупационной газеты с немецким протоколом случайно попал именно в ту самую орловскую квартиру, где остановился Бурденко? Можно ли поверить, что академик Бурденко жил в случайно отведенной для него квартире в Орле? Можно ли, наконец, ожидать, что академику Бурденко показывали в Орле и области случайные объекты фашистских преступлений? Очень трудно дать положительный ответ на любой из этих вопросов. Скорее всего, вопросом размещения такого важного гостя, как главный хирург Красной Армии и член ЧГК, занимался лично начальник УНКВД по Орловской области полковник Фирсанов и по его приказу Бурденко поселили в квартире со специально оставленным ему для чтения протоколом вскрытия катынских захоронений. Академик, до приезда в Орел явно незнакомый с опубликованными немецкими материалами по Катыни, понял/или принял оставленный ему "message" и

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 10.Л. 33-34.

сделал правильный вывод об идентичности "немецкого" метода расстрела в Катыни и Орле.

Вопрос о том, была ли связка "Орел - Катынь" частью большой, уже в это время разрабатывавшейся операции НКВД по нейтрализации катынских разоблачений (а возможно, и не только их!), или это личная импровизация Фирсанова, стремившегося прикрыть деяния местного УНКВД, впоследствии поддержанная и развитая в центре⁵⁶, остается пока без ответа.

6. "Умелые руки"

Идея открытия особого "немецкого" почерка расстрела буквально захватила академика Бурденко. По возвращении в Москву, 2 сентября, он немедленно отправил письмо В.М.Молотову, в котором прямо связал увиденное в Орле с возможностью опровержения немецких сообщений по Катыни. Один из главных аргументов немцев, говорящих в пользу виновности советских органов в Катыни, писал Бурденко, является способ расстрела. "Я, - отметил академик, - в бытность мою в Орле, как член Правительственной комиссии, раскопал почти 1000 трупов и нашел, что 200 расстрелянных советских граждан имеют те же самые ранения, что и польские офицеры. Достаточно тщательно сопоставить описание немецких протоколов и протоколов наших вскрытий, чтобы убедиться в тождестве и обнаружить "умелую руку"... Таким образом, установленное тождество "метода" убийств в Орле и Катынском лесу является знаменательным и дает несомненное доказательство, что "умелая рука" была одна и та же и обличает немцев как виновников катынской трагедии"⁵⁷.

⁵⁶ Фирсанов тщательно охранял порученные ему тайны и пресекал любые попытки хоть как-то приблизиться к ним. Так, например, он требовал у военного прокурора 3 армии Н.Д.Зори документы, относившиеся к работе Орловского лагеря военнопленных, располагавшегося в бывшем здании НКВД (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 1. Л. 5). Впоследствии подполковник юстиции Н. Д.Зоря стал одним из обвинителей от СССР на Нюрнбергском трибунале; в декабре 1946 г., накануне слушаний по Катыни, он странным образом погиб.

⁵⁷ Письмо неоднократно цитировалось, см.: Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1991. С. 133-134; Лебедева Н. Катынь: Преступление против человечества. М., 1994. С. 3-5.

Тезис Бурденко об идентичности почерка расстрелов в Орле и Катynie как доказательства виновности фашистов сразу получил одобрение и распространение среди его коллег по ЧГК. Уже 3 сентября другой член ЧГК, академик-правовед И.П.Трайнин⁵⁸, направляя А.Я.Вышинскому⁵⁹ проект "Сообщения" ЧГК о зверствах оккупантов в Орле, однозначно утверждал: "Академиком Бурденко Н.Н. установлено, что расстрел немцами советских граждан в затылочную область совпадает с методом расстрела польских офицеров в Катынском лесу"⁶⁰.

Орловское открытие Бурденко оказалось тем более ценным и своевременным, что в эти сентябрьские дни фронт неумолимо приближался к Смоленску, а советские идеологи еще не имели определенного плана, чем и как ответить на катынский вызов фашистской пропаганды. Только 22 сентября начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф.Александров в письме своему шефу, секретарю ЦК А.С.Щербакову предложил создать комиссию из представителей ЧГК и следственных органов, которая бы сразу, вслед за передовыми армейскими частями, прибыла в Катынь и организовала охрану могил, сбор необходимых материалов, опрос свидетелей и т. п. следственные действия⁶¹ Однако катынские сценарии разрабатывали не "пропагандисты", а совсем другие ведомства, выходившее в этих вопросах на В.М.Молотова и А.Я.Вышинского. Эту особенность кремлевской кухни Бурденко знал (или только предполагал) и все свои заключения по Катыни предназначал непосредственно Молотову.

27 сентября, через два дня после взятия Смоленска, на бланке члена ЧГК он направил еще одно письмо В.М.Молотову⁶²:

"Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Вчера от профессора Трайнина я получил Ваше указание об обследовании Смоленской области, и, в частности, - Катынской трагедии.

⁵⁸ Трайнин Илья Павлович (1886/87-1949) с 1942 г. возглавлял Института права АН СССР, а до этого, с 1939 г. был заместителем А.Я.Вышинского по этому институту.

⁵⁹ Вышинский Андрей Януарьевич (1883-1953) - с 1937 г. директор Института права АН СССР, академик АН СССР (1939), в 1939-1944 заместитель председателя СНК СССР, в 1940-1949 гг. заместитель наркома иностранных дел, в 1949-1953 гг. министр иностранных дел.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 16. Л. 7.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 103. Оpubл.:

⁶² РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Д. 512. Л. 10.

В отношении последнего дела я прошу Вашего разрешения, ввиду необходимости произвести выемку трупов польских офицеров и точного обследования способа расстрела и характера ран - пригласить от Вашего имени начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии - генерал-лейтенанта Ефима Ивановича Смирнова и подчиненных ему компетентных лиц.

Это позволит составить точные акты и быстро собрать необходимую коллекцию и сравнить ее с собранной мною коллекцией. Кроме того, это облегчит документировать находки на местах в виде фотоснимков, планов местности и рентгеноснимков.

Надеюсь всю организацию поездки провести к 29 сентября.

Искренно преданный Вам Н.Бурденко".

Самодетельность академиков-членов ЧГК вызвала некоторый переполох в советском руководстве. Молотов немедленно переправил письмо А.Я.Вышинскому с резолюцией: "Я о Катыни ничего не говорил т.Трайнину. Нужно обдумать, когда и как братья за это дело. Т.Трайнин поторопился с дачей поручения т.Бурденко".

Как известно, именно Андрей Януарьевич Вышинский курировал всю публичную сторону катынской истории⁶³. Кроме того, лучший советский знаток постановочной части публичных судебных процессов, в 1945 г. он будет назначен Политбюро ЦК ВКП (б) председателем Комиссии по руководству работой советских представителей в Международном трибунале в Нюрнберге⁶⁴, а пока, de facto, Вышинский исполнял также обязанности главного редактора и цензора "Сообщений" ЧГК. После получения директивы Молотова он тотчас вызвал Трайнина и 30 сентября на письме Бурденко появилась красноречивая отметка Вышинского: "Указания даны мною лично".

Однако согласно официальным данным, в эти же дни, с последних чисел сентября⁶⁵ до 16 октября, в Смоленске приступили к работе будущие главные

⁶³ См.: Зоря Ю. Нюрнбергская миссия // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский. Сост. и общ. ред. О.Е.Кутафина. М., 1992. С. 282-284.

⁶⁴ См.: Соколов В.В. Министр иностранных дел А.Я.Вышинский // Международная жизнь. 1991. № 6; Зоря Ю. Указ. соч. С. 268, 269.

⁶⁵ Конкретные числа расходятся, в разных документах называются 26-27-28 сентября и даже 1 октября.

катынские судебно-медицинские эксперты - В.И.Прозоровский, В.М.Смолянинов, П.С.Семеновский, М.Д.Швайкова⁶⁶, готовившие судебно-медицинские документы для "Сообщения" ЧГК по этому городу⁶⁷.

7. Эксперты

На протяжении военных лет В.И.Прозоровский, В.М.Смолянинов, П.С.Семеновский и М.Д.Швайкова составляли единую, многократно проверенную, группу специалистов, которая давала официальные судебно-медицинские заключения едва ли не на всех, важнейших с точки зрения власти, судебных процессах. В частности, именно эти эксперты подписывали результаты судебно-медицинских исследований для первых судов над оккупантами и их пособниками в Краснодаре и Харькове (июль, сентябрь 1943 г.)⁶⁸. Все они были сотрудниками созданного в предвоенные годы Научно-исследовательского института судебной медицины (НИИСМ) Наркомата здравоохранения СССР и сделали весьма успешную карьеру. Однако, несмотря на внешнее обилие юбилейных и некрологических статей⁶⁹, биографии этих экспертов, десятилетиями возглавлявших и направлявших развитие судебной медицины в СССР, остаются малоизвестными не только за пределами их профессионального круга.

Профессор Виктор Ильич Прозоровский (1901-1986)⁷⁰, коренной москвич, принадлежал к одному из самых древних дворянских родов. Он окончил медицинский факультет 2-го МГУ, учился там в аспирантуре и затем работал

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 403. Л. 5.

⁶⁷ Опубликовано 6 ноября 1943 г. в "Известиях" под названием "О разрушении гор. Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами" (см. также: Сборник ЧГК. С. 58-77). Подписано Н.М.Шверником, Н.Н.Бурденко, Е.В.Тарле, А.Н.Толстым, Б.Е.Веденевым. Проект "Сообщения" принят в тот же день, 6 ноября, опросом на заседании ЧГК (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 25 (протокол № 19). Учитывая время, необходимое на типографию, ясно, что "Сообщение" было отправлено в газету еще не утвержденным ЧГК.

⁶⁸ За работу на этих процессах В.И.Прозоровский, В.М.Смолянинов, П.С.Семеновский были награждены орденом Отечественной войны 1 степени.

⁶⁹ К сожалению, они фактически повторяют друг друга слово в слово.

⁷⁰ См. последнюю по времени юбилейную статью: Судебно-медицинская экспертиза. 2002. № 4. С. 47. Характерно, что она подписан редколлекцией журнала, а не кем-то персонально.

ассистентом на кафедре судебной медицины, возглавлявшейся последовательно Петром Андреевичем Минаковым (1865-1931) и Николаем Владимировичем Поповым (1894-1949). Параллельно, в 1937-1939 гг., заведовал Московской городской судебно-медицинской экспертизой. Последовательно строя карьеру научного администратора, Прозоровский еще в 1930 г. вступил в ВКП (б), а в 1939 г., после того, как его учитель Н.В.Попов был обвинен в поддержке "лженаучной" теории "формальной" генетики в вопросах наследования групп крови, занял его директорское место в НИИСМ и с тех пор в течение многих лет возглавлял этот институт⁷¹. Однако, и это весьма необычно, Попова не только не изгнал, но и оставил в качестве заместителя. В 1940 г. В.И.Прозоровский был назначен главным судмедэкспертом НКЗ СССР и председателем судебно-медицинской комиссии его Ученого медицинского совета, заняв, таким образом, все командные высоты своей дисциплины. Как показывает список его научных работ, в предвоенные годы Прозоровский занимался вопросами токсикологии, а в послевоенные резко сменил тематику и писал или об особенностях поражения ручным огнестрельным оружием или о методологических проблемах судебной медицины в контексте марксистско-ленинской теории. Работа в ЧГК существенно упрочила его положение в те годы: как эксперт от СССР он выступал в Нюрнберге, а в 1950-ые годы методологически и организационно направлял все развитие судебной медицины - проводил всесоюзные совещания судебных медиков, создавал Всесоюзное научное общество судебных медиков и криминалистов, с 1958 г. редактировал журнал "Судебно-медицинская экспертиза" и за все свои труды был удостоен не только почетных медалей Хельсинкского и Генуэзского университетов, но и польского ордена "Золотой крест".

Заместитель В.И.Прозоровского по НИИСМ до 1949 г., профессор Владимир Михайлович Смольянинов (1898-1981)⁷² также принадлежал к известной

⁷¹ Несмотря на то, что во всех некрологах В.И.Прозоровский называется инициатором создания НИИСМ, на самом деле такого просто не могло быть.

⁷² См.: Крюков В.Н., Буромский И.В., Николаев Б.С. Владимир Михайлович Смольянинов (к столетию со дня рождения) // Судебно-медицинская экспертиза. 1998. № 2. С. 54-55; Пашиных Г.А. Научная школа профессора Владимира Михайловича Смольянинова // Судебно-медицинская экспертиза. 1998. № 2. С. 55-56.

русской дворянской фамилии и школе П.А.Минакова, но закончил медицинский факультет 1-го МГУ. До войны он заведовал в НИИСМ токсикологическим отделением, а в военные годы - кабинетом военных судебно-медицинских экспертиз. В 1932-1943 гг. Смольянинов - главный судебно-медицинский эксперт НКЗ РСФСР. В 1943 г. он защитил докторскую диссертацию на тему "О некоторых источниках ошибок в судебной медицине при доказательствах насильственной смерти". До того параллельные, служебные дороги Прозоровского и Смольянинова несколько разошлись в эпоху борьбы с космополитизмом, когда над головой Смольянинова собрались изрядные тучи⁷³. Однако этническая "чистота" и связи спасли его и он остался заведующим кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института (до 1979 г.), но его административный рост на этом закончился.

Мария Дмитриевна Швайкова (1905-1978)⁷⁴, известный биохимик, в 1936 г. защитила первую в СССР кандидатскую диссертацию по судебной химии "Микрохимическое открытие кокаина при судебно-химических исследованиях", а в 1945 - докторскую. Она организовала в 1937 г. кафедру судебной и токсикологической химии в 1-м Московском медицинском институте, которую возглавляла более сорока лет, до 1978 г., и параллельно, до 1959 г., заведовала судебно-химическим отделением НИИСМ.

Судьба четвертого эксперта - Петра Сергеевича Семеновского (1883-1959) сложилась значительно сложнее, чем у его коллег. Авторы современных исследований диаметрально противоположно характеризуют его деятельность: если

⁷³ В июне 1947 г. во 2-м Московском медицинском институте была защищена кандидатская диссертация ассистентом кафедры судебной медицины Л.Г.Фенелоновой "Некоторые условия образования трещин на костях свода и основания черепа при огнестрельных пулевых повреждениях", научным руководителем которой был муж диссертантки, В.М.Смольянинов. В апреле 1949 г. профессор А.П.Курдюмов, бывший заведующий танатологическим отделом НИИСМ, направил письмо заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П.Берия, в котором обвинил диссертантку в использовании праха павших советских патриотов. Из Совета Министров СССР письмо отправили в Министерство высшего образования с резолюцией: "Тов. Кафтанову С.В. Прошу заинтересоваться. 18. 04. 49 Л.Берия" (см.: ГАРФ. Ф. Р-9396 (Министерство высшего образования). Оп. 1. Д. 198. Л. 175-177).

⁷⁴ О ней см.: [Некролог] // Судебно-медицинская экспертиза. 1978. № ??? С.???; Солохин А.А., Солохин Ю.А. Женщины - доктора медицинских наук, профессора, заведующие кафедрами судебной медицины высших медицинских образовательных учреждений России и СССР в XX столетии // Судебно-медицинская экспертиза. 2003. № 3. С. 49.

журналисты и историки называют Семеновского преимущественно "рядовым тюремным медиком", "посредственным профессионалом, но очень сговорчивым и послушным человеком" и даже палачом, многие годы теснейшим образом связанным с ведомством Л.П.Берия и знаменитой лабораторией Г.Майрановского⁷⁵, то коллеги по цеху - родоначальником целых направлений отечественной криминалистики⁷⁶. Действительно, Семеновский был автором первой российской монографии в области криминалистики ("Дактилоскопия как метод регистрации". М., 1923), первым руководителем и экспертом первого криминалистического подразделения НКВД РСФСР — кабинета судебной экспертизы Центрального управления уголовного розыска. Он родился в Москве, в семье псаломщика Никологолутвинской церкви. В 1898 г. окончил Донское духовное училище, в 1904 г. - Московскую духовную семинарию, однако, как Бурденко, оставил церковную карьеру и поступил на медицинский факультет Императорского Юрьевского университета. Еще в студенческие годы за работу "Судебно-медицинское исследование семенных пятен" Семеновский был удостоен золотой медали и публикации в "Ученых записках" университета⁷⁷. Подающий большие надежды студент, он после окончания университета в 1910 г. с золотой медалью оставлен ассистентом и помощником прозектора на кафедре судебной медицины (1910-1918 гг.), активно занимается научно-исследовательской работой, издает ряд интересных статей по судебной медицине. Можно представить, что если бы не революционные события 1917 г., карьера Семеновского так бы и развивалась по традиционному университетскому руслу. Однако революция кардинально изменила ход его жизни. Семеновский возвращается в Москву, вступает добровольцем в РККА и в 1919 г. становится зав. кабинетом судебной экспертизы и Регистрационного и дактилоскопического бюро

⁷⁵ См.: Абаринов В. Указ. соч. С. 138; Бобренев В. "Доктор Смерть", или Варсонофьевские призраки. М., 1997. С. 100, 108-109, 113, С. 269-272; Бобренев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М., 1993. С.170; Ларин А. О судебных убийствах // Человек и закон. 1988. № 11. С. 90-91; Birstein V.J. The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science (Boulder (CO): Westview Press, 2001 и др.

⁷⁶ См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 29-30; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 197; Богданов Н.Н., Солониченко В.Г. История и основные тенденции развития дерматоглифики // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). Под ред. Л.Г.Эджунова и Н.Н.Богданова. М., 2002. С. 37; Звягин В. Дерматоглифика в судебной медицине // Там же. С. 81-84.

Центророзыска⁷⁸, а в 1922 г. - начальником дактилоскопического подотдела научно-технического отдела НКВД РСФСР. В эти годы он разрабатывает классификацию пальцевых узоров, которая с небольшими изменениями существует и в настоящее время.. Он преподает судебную медицину в 3-м Медицинском институте, читает лекции в Военной прокуратуре и в Верховном суде СССР, в 1930-1932 гг. возглавляет Московское судебно-медицинское общество. После ликвидации в декабре 1930 г. НКВД РСФСР Семеновский переходит в НИИСМ старшим научным сотрудником танатологического отдела и с этого момента его жизнь и деятельность скрыты умолчанием, но считается, что он входил в ближнюю "команду" Вышинского и на протяжении 30-х годов регулярно выдавал любые нужные сталинским опричникам медицинские заключения⁷⁹.

8. "Можно утверждать..."

Смоленская поездка группы Бурденко⁸⁰ в сентябре-октябре 1943 г. была небольшой репетицией будущей январской инсценировки⁸¹. Медики⁸² должны

⁷⁷ См.: Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1910. № 11, 12.

⁷⁸ Параллельно он еще и прозектор Лефортовского морга при Московской городской судебно-медицинской экспертизе.

⁷⁹ Так, доктор юридических наук А.Ларин вспоминал: "Не исследуя трупа, по материалам дела давал свое заключение доктор Семеновский. Я его знал лично. Вышинский не случайно выбрал именно его в эксперты. Это был посредственный профессионал, но очень сговорчивый и послушный человек. Вышинский манипулировал им, как хотел. В своем рвении и желании оправдать доверие Вышинского Семеновский ухитрился даже в акте экспертизы давать чисто юридические заключения: констатировать преднамеренность, умысел и т.п." (О судебных убийствах // Человек и закон. 1988. № 11. С. 90-91).

⁸⁰ По официальным данным, 27 сентября в Смоленск прибыли В.И.Прозоровский, В.М.Смолянинов, П.С.Семеновский, В.Н.Макаров, С.М.Багдасарьян (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 403. Л. 5). Начальник отдела ЧГК по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, Владимир Николаевич Макаров (1898-?), закончив строительный техникум, работал на Дальнем Востоке, в Казахстане, где дослужился до должности управляющего Казахским отделением Центрального института труда и члена коллегии Наркомата труда Казахской АССР. В 1934 он вернулся в Москву и руководил группами труда и совхозного строительства Госплана СССР (1934-1937). В мае 1938 Макаров "по собственному желанию" уволился из Наркомата тяжелой промышленности и перешел на работу с большим понижением - начальником производственного отдела Музея труда ВЦСПС (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 124. Д. 77). Полковник медицинской службы, политработник со стажем Сурен Маркарович Багдасарьян (1905 - 198) с 1941 г. возглавлял редакционно-издательский отдел РККА, в 1941-1945 гг. являлся ответственным секретарем "Военно-медицинского журнала", а также фактически комиссаром при Н.Н.Бурденко, чьим официальным биографом он стал в послевоенные годы (в 1951 защитил докторскую диссертацию о нем).

были впервые в практике работы ЧГК представить к публикации в "Сообщении" ЧГК обширный акт судебно-медицинской экспертизы, раскрывающий масштабы и характер фашистских карательных акций в Смоленске и области. Особая значимость этого "Сообщения" подчеркивалась и тем фактом, что оно должно было появиться в центральных газетах прямо накануне очередной годовщины Октябрьской революции.

После того, как проект "Сообщения" был готов, 4 ноября Н.М.Шверник направил В.М.Молотову его текст с просьбой разрешить публикацию⁸³. После резолюции Молотова: "Надо опубликовать 6 XI. Спросить у т. Вышинского, нет ли у него замечаний", проект ушел к Вышинскому и на следующий день вернулся в секретариат Молотова в отредактированном виде⁸⁴. Наибольшей правке Вышинского подвергся как раз "Акт судебной-медицинской экспертизы", оригинал которого так и остался навсегда в архиве Молотова, а не в фонде ЧГК.

Инцидент с документом, подготовленным самыми надежными, самыми проверенными экспертами, показал, что в казалось бы надежно отлаженной Вышинским еще в 30-е годы системе сталинской "политической юстиции", чрезвычайно эффективной с точки зрения поставленных перед нею задач, могут возникать "профессиональные" сбои и она требует перенастройки.

⁸¹ Согласно еще недавно секретной "Справке о результатах предварительного расследования так называемого "Катынского дела", подписанной 18 января 1944 г. в Смоленске наркомом госбезопасности СССР В.Н.Меркуловым и заместителем наркома внутренних дел СССР С.Н.Кругловым (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 1) с 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г. там уже работала спецкомиссия из оперработников и следователей НКВД СССР и УНКВД по Смоленской области.

⁸² Однако, за исключением П.С.Семеновского, никто из них не был патолого-анатомом, поэтому вместе с ними в Смоленске трудилась небольшая группа военных судмедэкспертов: главный судмедэксперт Западного фронта майор Василий Петрович Никольский; судмедэксперт 21 армии, майор Фаткин; инспектор Санитарного управления Западного фронта, майор Остапеня; врач санитарно-эпидемиологической лаборатории 316 Западного фронта капитан Глушакова; судмедэксперт 31 армии, капитан Федор Григорьевич Бусоедов; начальник патолого-анатомической лаборатории 31 армии, майор Иван Евпсихеевич Субботин; начальники патолого-анатомической лаборатории 5 армии, майор Сурвилло и капитан Дроздовский. Впоследствии трое из них - В.П.Никольский, Ф.Г.Бусоедов и И.Е.Субботин будут призваны в Катынь в январе 1944 г.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Д. 512. Л. 11.

⁸⁴ Там же. Л. 12-38.

Так, в оригинале "Акта" эксперты аккуратно отметили, что по отношению к трупам, обнаруженным в могилах у селений Магаленщина-Вязовенька⁸⁵ и деревни Реадовка, "принимая во внимание показания ряда свидетелей, с большой долей вероятности вполне допустимо утверждать, что причиной смерти могло явиться отравление выхлопными газами в спецавтомашинах"⁸⁶. Правка Вышинского была решительной: вместо неопределенного "с большой долей вероятности..." его карандаш вписал: "Можно утверждать". И абсолютно твердо вычеркнул из "Акта" "сомнительные" признания медиков типа: "Объективных доказательств отравления окисью углерода, являющейся основным токсическим веществом выхлопных газов, при судебно-медицинском, судебно-химическом и спектроскопических исследованиях получить не представляется возможным"⁸⁷, или: "У некоторой части трупов, эксгумированных из могил на вышеназванных участках, причину смерти установить не удалось ввиду гнилостных изменений и распада тканей трупов"⁸⁸.

Исправляя акт, Вышинский редактировал не столько документ, сколько мышление самих "экспертов", наглядно демонстрируя, каких результатов ждет от них власть. И как показали дальнейшие события, орловский и смоленский уроки не прошли для них даром.

Академик Бурденко так увлекся подброшенной ему идеей "немецкого почерка", что разработал специальный "План работы по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан"⁸⁹, предусматривавший "организацию раскопок и исследование трупов расстрелянных немцами советских граждан" в гг. Виннице, Херсоне, Николаеве, Одессе, Воронеже - как раз тех районах, которые удивительным образом совпадали и с местами массовых расстрелов НКВД. Но если Катынь в международных кругах обсуждали, то о бесчисленных могильниках советских граждан НКВД никто не спрашивал и план Бурденко не понадобился. Они так и остались братскими

⁸⁵ Здесь уничтожилось еврейское население Смоленска, см.: Круглов А. Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины в 1941 - 1943 годах // Вестник Еврейского Университета в Москве. № 3 (7). М. - Иерусалим, 1994. С. 193 - 220.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Д. 512. Л. 33.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Л. 34.

могилами, вскрывая которые потомки еще будут долго и часто безуспешно пытаться понять, где - свои, а где - чужие, где - палачи, а где - жертвы⁹⁰.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 38. Л. 3-4.

⁹⁰ Данная статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Фондом Г.Хенкель (Германия). Приношу глубокую благодарность профессору Д.Байрау и всем коллегам из Института Восточной Европы Тюбингенского университета, чья заинтересованная помощь сопутствовали этой работе.